

Воспоминания

[По стопам Христа. №. 56. С. 17]². Вспоминаю то, что мне пришлось видеть в эпоху гонения на Церковь Христову в Советском Союзе.

Там, по милости Божией, архипастырям и пастырям за их подвиг исповедничества дано было счастье видеть души обращенных их подвигами, идущими по их стопам на крест. Вспоминается мне такой случай обращения³.

Во время бесконечных ожиданий у тюрем ответов на сделанные передачи, в очередях за справками о заключенном духовенстве в ГПУ, Политическом Красном Кресте и Наркомюсте я постоянно встречалась с одной симпатичной, красивой молодой дамой. Брат ее мужа был очень почитаемый, известный своей высокой духовной жизнью и громадным духовным обаянием Святитель⁴. Он много раз арестовывался и много раз освобождался из тюрьмы, иногда даже по требованию рабочих. Жизнь свою он окончил мученически в Соловецком концлагере. Итак, красивая дама, родственница Владыки⁵, постоянно хлопотала и не только о своем Владыке, но и о других знакомых и незнакомых Святителях. Потом к ней присоединилась ее младшая сестра, такая же красивая, бодрая и находчивая во всех, часто сложных обстоятельствах. Был раз такой случай. В Бутырской тюрьме принимали по очереди две женщины. Одна, молодая и благодушная, принимала, не проверяя принесенные нами продукты. Вторая, старая, придиралась даже к тому, что тюремным начальством разрешалось передавать, и всячески старалась не пропустить. Вот мы стоим пред еще закрытым окошечком и гадаем, какую физиономию мы увидим, когда оно откроется. Наконец окошко открывается, и мы видим физиономию фурии. Так мы ее прозвали. Вдруг младшая сестра, стоящая первой, говорит с улыбкой: «Это Вы сегодня принимаете, как я рада. Вы такая симпатичная». С этого дня фурия у нас все принимала. В один из дней, во время долгих ожиданий в истопленном помещении с разбитыми оконными стеклами, младшая сестра мне рассказала [с. 18] свою жизнь и, самое важное, свое возвращение к Церкви и начало своей духовной жизни.

— Когда я кончила гимназию, — поведала она — мне не нужно было зарабатывать денег на жизнь. Мои родители были достаточно богаты, но много денег мне на туалеты не давали. Желая иметь возможность тратить деньги по своему желанию, я поступила и окончила бухгалтерские курсы. Окончив курсы, поступила на хорошее место в банк. Любила я оперу, часто бывала в театре, познакомилась со знаменитой певицей Неждановой и очень с ней дружила. Деньги у меня шли на театр и туалеты, особенно меня привлекали шляпы. Жила я со своими родителями. Была ли я религиозна? — Теперь я понимаю — конечно, нет. По большим праздникам я ходила в церковь, но стояла недолго. Мне казалось, что мне трудно стоять потому, что в церкви жарко. Теперь выстаиваю длинные службы, и право не знаю, жарко в церкви, или нет. Евангелие я читать бросила, утром молиться не было времени, вечером я молиться просто забывала.

— Началась революция. Банк, в котором я служила, был закрыт, но у Советов бухгалтеры в большой моде, и я нашла прекрасную работу. Родители мои скончались. Чтобы не уплотнили квартиру моей сестры, я к ней переехала. Как только возобновились спектакли в театрах, я опять начала туда ходить, и моя дружба с Неждановой продолжалась. Но из-за переезда моего к сестре многое изменилось само собой. У сестры часто бывали духовные лица. Владыка, брат ее мужа, выходя из тюрьмы, у нас даже жил по неделе и больше. Я ему отдавала свою комнату, и

переходила спать в комнату нашей старой няни. Но старалась с ним не встречаться, и со службы шла к Неждановой, или еще к кому-либо из своих друзей. К Владыке приходили его духовные дети и почитатели: святители, монахи, игумены, мирские люди, старые, молодые, профессора, крестьяне, рабочие. Одни приезжали из той епархии, где он святительствовал, другие из епархий, где он был раньше. С ними я тоже старалась в разговоры не вступать, но все же иногда приходилось. На сестру я постоянно сердилась за то, что [с. 19] она стоит часами в церкви, а это для нее утомительно; еще больше меня возмущала тюрьма. Часто она оттуда возвращалась такая усталая, что прямо ложилась в кровать. А няня все за ней ухаживала, тратила последний керосин, — а керосин достать было трудно, — чтобы разогреть остывший обед. Меня это тоже возмущало. Слова мои не помогали, даже когда я ей сказала: «Это кончится тем, что ты сама будешь в тюрьме». Она мне ответила: «Если все будут бояться делать передачи в тюрьмы, то что будет с заключенными? Они ведь исповедники. Ты этого не понимаешь. Но важно не только то, что мы поддерживаем их физические силы, а еще то, что находящиеся с ними заключенные, видя заботу православных о своем пастыре, задумаются о том, что есть еще верующие. Тем более, архипастырь. Он не обычный человек, которому приносят передачу родственники. О нем заботится паства. Пастырь, со своей стороны, делится со своими сокамерниками тем, что ему принесли. Подумай, какая это радость в тюрьме накормить голодного, хотя бы для нашего Владыки. Я слышала, что он все отдает, а сам не ест. Вот почему все мы, его близкие, стараемся передать как можно больше». Меня эти доводы не убеждали. Я продолжала раздражаться на сестру, и из денег, мною заработанных, на тюрьмы ни копейки не давала.

— Аресты духовенства все увеличивались, сестра все больше бегала по тюрьмам. Я продолжала ходить в театр.

— Наконец, Господь смилостивился надо мной, и совершилось чудо, по молитвам Владыки, который не мог не знать обстановку нашей жизни. Это было летом. Я знала, что Владыка в тюрьме и приговорен к высылке этапом. Сестра, няня и все его духовные дети волновались, готовили для него какие-то вещи, дежурили у ворот тюрьмы, боясь его пропустить, когда поведут под конвоем на вокзал. Что значит идти под конвоем, неся свои вещи, что из себя представляют этапные вагоны, я понятия не имела. К нам постоянно приходили узнавать, не знаем ли мы, когда Владыку вышлют, и что ему может быть нужно? Мне надоело открывать дверь.

— Но вот настал для меня благодатный день. Со службы я пришла усталая, надела халат и решила отдохнуть, [с. 20] как вбегает взволнованная няня и говорит: «Ради Христа, помогите мне донести вещи на вокзал, я одна не могу, а барыни (моей старшей сестры) нет дома... Владыку ведут!...».

[По стопам Христа. №. 57. С. 12.] — Что со мной сделалось в эту минуту, я не знаю; так было Господу угодно спасти мою грешную душу...

— Прямо на халат накинула пальто, схватила вещи и побежала так быстро, что няня за мной не поспевала. Мы жили не далеко от трех вокзалов, но откуда отправляют этапы я не знала. К счастью нас встретила молоденькая духовная дочка Владыки — Милочка^б.

— На платформе уже стоял этапный поезд, и ждавшие, видя, что ведут Владыку, а сестры моей с вещами для него нет, послали к нам Милочку. Она нам показала куда идти, и хотела мне помочь нести вещи, но мне не надо было помощи, я летела как на крыльях.

— Потом мне Милочка говорила о своем удивлении, когда увидела меня бежащей. Я была в туфлях на босу ногу. Она глазам своим не верила, что это я.

[с. 12.] — Арестованные были уже посажены в вагоны с решетками на крошечных

окнах. Конвойные дежурили по два у каждого входа в вагон. Не смея подняться на платформу, стояли провожающие. Не зная тюремных порядков, я пробежала на платформу, и первому проходящему конвою сказала, чтобы он передал вещи, и в первый раз услышала грубый окрик: «Куда лезешь, какие тебе передачи, вон с платформы!» Тогда я поняла, что если с провожающими так обращаются, то как же с заключенными? Значит и на Владыку так кричат. Я спустилась вниз. Сестра уже там была. Она на меня посмотрела, но ничего не сказала. Кругом стояли взволнованные люди, главным образом женщины. Многие держали в руках небольшие передачи, терпеливо ждали и тихонько плакали. Подавленная обстановкой, я молчала. Молиться я еще не умела.

— Через некоторое время мимо нас прошел человек, не в форме, и сказал, будто про себя: «Передавай конвойному, смотри второе окошко, четвертый вагон, не подходи близко». Это оказался проводник вагона, в котором находился Владыка. Сестра моментально поняла, но пошла не сразу, и, подойдя к четвертому вагону, попросила конвойного взять передачу. Тот молча взял, и минут через пять принес установленную тюремными правилами записку: «Все получил сполна». Сестра облегченно вздохнула, няня перекрестилась. Многие провожающие тоже стали подходить к вагонам со своими передачами.

— Пробравшаяся на платформу Милочка первая увидела за двумя решетками Владыку, и глазами нам показала. Я, по неопытности и от волнения, забыла все предупреждения, и бросилась к окну. Когда увидела худое, покрытое особой тюремной бледностью лицо Владыки, громко зарыдала. Владыка улыбнулся, и ко мне донеслись его слова, хотя он говорил почти шепотом из-за конвоя: «Как я рад Вас видеть. Но почему Вы плачете?»

Меня не надо жалеть, надо за меня радоваться». Мои громкие слезы нарушили порядок, и конвой выгнал с [с. 14] платформы всех провожающих.

— С этого дня я не хожу больше в театр, не интересуюсь туалетами. Свой ежегодный отпуск я взяла, когда выяснилось место ссылки Владыки, и провела его с ним, стараясь по дороге передать, что было возможно, таким же, как он, ссыльным.

— Благодарю Господа за Его милость ко мне, за мое возвращение к Церкви и за счастье и честь служить Его Исповедникам.

***

Через несколько лет после этого разговора я, находясь в Соловецком концлагере, заведовала в женском корпусе амбулаторией, и должна была ходить в отдельный корпус для вновь прибывших заключенных.

Там ко мне подошла одна заключенная женщина и передала мне привет от младшей сестры, и добавила: «Мы с ней сидели в одной камере в Бутырской тюрьме. Она всю камеру духовно поддерживала, со всеми делилась своими передачами. Вот уж настоящая Христианка!».

(Примечания Столярова В.П.)

¹ Игуменья Иулиания (Навакховец), в схиме Варвара (? — 05.12.1972) — духовная дочь архиепископа Федора (Поздеевского), активно участвовала в помощи арестованным и ссыльным священнослужителям, заключенная СЛОН, после Второй Мировой войны эмигрировала в США, настоятельница (1955–1956) Свято-Успенской женской обители в Калистогге (Калифорния, США). В конце 1950-х гг. проживала в штате Нью-Йорк. Состояла в юрисдикции Северо-Американской митрополии.

---

² Иулиания игуменья. Воспоминания// Following the steps of Crist (По стопам Христа). Беркли, Калифорния, США. 1955. №. 56, 57. С. 18–20; 12–14.

Православный журнал издавался протоиерем Николаем Вейгласом (Виегласом).

³ В публикации игуменья Иулиания не называет настоящих имен во избежание возможных последствий.

⁴ Святитель — архиепископ Петр (Зверев), священномученик.

⁵ Жена Арсения Константиновича Зверева, (22.02.1879–пер. пол. XX в.), московского чиновника, брата архиепископа Петра.

⁶ Милочка — София Александровна Булгакова, позже — монахиня Серафима.